

³¹ Чекрыгина Т. А. Исследование специфики идентификации личности в современных социокультурных условиях // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки». – 2008. – № 3. – С. 116.

³² Подробнее об этом см., например: Алешин Д.А. Неклассическая рациональность как постмодернистская методология юридических исследований // Вопросы правоведения. – 2016. – № 1. – С. 110-129.

³³ Честнов И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. – 2009. – № 3. – С. 22-30.

³⁴ Подробнее об этом см.: Честнов И.Л. Постклассическое правописание: монография. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2010.

³⁵ Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека: современные проблемы теории и практики / под общей ред. Ф.М. Рудинского. – М.: Права человека, 2009. – С. 18.

Колосова Нина Михайловна*,
*главный научный сотрудник отдела конституционного права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Конституции РФ суверенитет РФ распространяется на всю ее территорию. Однако объективные процессы международной интеграции вносят существенные коррективы в теорию суверенитета как конституционной и демократической ценности. Более того, Конституция РФ предусматривает возможность передачи части своих полномочий межгосударственным объединениям в соответствии с международными договорами (ст. 79 Конституции РФ). Не ясно, можно ли говорить в данном случае о возможности ограничения суверенитета или речь идет только о передаче части полномочий. Попытаемся ответить на этот вопрос в аспекте исполнения решений Европейского Суда по правам человека.

Проблема государственного суверенитета относится к числу дискуссионных. Основные споры ведутся по вопросу о возможности ограничения государственного суверенитета, с чем не могут согласиться многие ведущие правоведы (Тихомиров Ю.А., Эбзеев Б.С. и др.). В этом направлении можно выделить две острые взаимосвязанные проблемы. Первая состоит в соотно-

---

* © Колосова Н.М., 2016

шении Конституции РФ и решений Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд). Вторая – это соотношение решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда.

Начнем с первой. Многие ученые настаивают на том, что приоритет должен быть отдан решениям Европейского Суда, а не Конституции РФ в части толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), т.к. иначе теряется смысл международных договоров. Кроме того, Европейский Суд предлагают рассматривать как высшую инстанцию в российской судебной системе (Ершов В.В.). Соответственно в случае возникновения названной выше коллизии должно исполняться решение Европейского Суда. Действительно есть примеры, когда для разрешения противоречия между решением Европейского Суда и Конституции были внесены изменения в Конституцию (Греция).

Вместе с тем представляется целесообразным согласиться с теми правоведами (Эбзеев Б.С, Зорькин В.Д. и др.), кто признают высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации. При этом следует учитывать то, что Конвенция и иные общепризнанные принципы и нормы международного права, являясь частью российской правовой системы, функционируют на основе принципов названной системы. Одним из таких требований является положение, закрепленное в ст. 15 Конституции Российской Федерации о высшей юридической силе Конституции Российской Федерации. Исходя из этого все составные части российской правовой системы, в том числе и Конвенция, имеют меньшую юридическую силу по сравнению с Конституцией Российской Федерации. Однако это не исключает возможности в процессе исполнения решений Европейского Суда уточнять смысл конституционных положений Конституционным Судом РФ как способ разрешения коллизии между Конституцией РФ и решением Европейского Суда, о чем будет сказано ниже.

В качестве аргумента для отрицания абсолютного суверенитета можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-п по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда, где было отмечено, что право государства отказаться от исполнения решения межгосударственного органа вытекает из природы суверенитета как основы конституционного строя, предполагающего «верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти», а также ее полноту на всей территории государства (п. 2.3).

Таким образом, можно сделать первый промежуточный вывод о том, что международные нормы, в том числе, и решения Европейского Суда не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Перейдем ко второй из названных выше проблем.

Российская Федерация признала обязательность юрисдикции Европейского Суда. В соответствии с частью 1 статьи 46 Европейской Конвенции «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательные решения Суда по делам, в которых они являются сторонами». Из данного положения Конвенции следует, что решения Европейского Суда имеют обязательный характер для Российской Федерации. Отметим, что данное международное обязательство распространяется на все государственные органы, в том числе, и на судебные. Констатация Европейским Судом нарушения Конвенции налагает на государство-ответчик в силу части 1 статьи 46 четкие и определенные обязательства. Государство, против которого принято декларативное постановление о нарушении прав человека, не только должно выплатить определенную компенсацию, но и принять соответствующие меры индивидуального характера по отношению к потерпевшему (так называемые меры индивидуального характера), чтобы «положить конец нарушению и устранить его последствия с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения». Кроме того, принимаются меры общего характера, способные эффективно предотвратить дальнейшие нарушения Конвенции, подобные тем, которые были уже выявлены Европейским Судом.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ» решения Конституционного Суда РФ обязательны для всех государственных органов, должностных лиц, судов и иных субъектов права. Как было отмечено выше, налицо признание Россией обязательности решений и Европейского Суда по правам человека. При этом сложность заключается в том, что в международном праве действует принцип суверенного равенства государств. Поэтому исполнение решений Европейского Суда представляет вопрос, относящийся как к правовой, так и к политической сфере. В то же время при инкорпорации международных стандартов в национальное законодательство необходимо учитывать, как национальные особенности, так и интересы международного сообщества. Важно в рамках международных обязательств выявлять и защищать интересы Российской Федерации. В процессе исполнения решений Европейского Суда может возникнуть необходимость изменить Конституцию РФ, что означает возможность ограничения государственного суверенитета. Исходя из этого вполне закономерно то, что в процессе исполнения решений Европейского Суда в РФ могут возникать сложности.

Общеизвестно, что в ряде стран, включая РФ, возникает порой коллизия между решениями Конституционного Суда РФ и Европейского Суда. В юридической литературе по данному вопросу сложились два основных подхода. Первый из них признает абсолютную обязательность исполнения решений Европейского Суда. Второй подход означает возможность неисполнения конкретного решения Европейского Суда в случае его несоответствия Конституции РФ или конституционным принципам. Последняя точка

зрения нашла отражение и в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ», в который были внесены соответствующие изменения.

Более того, уже существует практика реализации нормы, в соответствии с которой именно Конституционный Суд РФ определяет степень конституционности в процессе исполнения решения Европейского Суда. Речь идет о Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом министерства юстиции Российской Федерации. В данном Постановлении было отмечено, что возможность ограничений права на участие в выборах, включая право голоса, вытекает из конституционной природы избирательных прав, которая воплощает в себе единство субъективных электоральных правомочий гражданина и общую (коллективную) заинтересованность в формировании легитимных органов народного представительства на основе принципа свободных выборов. Исходя из этого непосредственно Конституцией Российской Федерации, ее статьей 32 (часть 3), прямо закреплено, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Данное ограничение ввиду его особой значимости выделено конституционным законодателем как отдельный случай ограничения права избирать и быть избранным, гарантированного статьей 32 (части 1) Конституции Российской Федерации.

Согласно названному выше Постановлению Конституционного Суда РФ в силу статьей 17 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации федеральный законодатель правомочен, руководствуясь принципами обоснованности и соразмерности (пропорциональности), предусмотреть иные ограничительные условия осуществления избирательных прав – в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такого рода условия (ограничения) могут быть также продиктованы необходимостью обеспечения формирования легитимных органов народного представительства, поддержания публичного правопорядка и минимизации рисков криминализации избирательных отношений.

Конституционный Суд РФ также признал, что исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьями 3 (части 1-3), 15 (части 1 и 4), 32 (части 1 и 2), 46 (часть 3) и 79, Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», принятого на основании положений статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам челове-

ка, – в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав, – возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике, поскольку в соответствии со статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими ее положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, по общему правилу, исключается наказание в виде лишения свободы и тем самым лишение избирательных прав осужденных, совершивших впервые преступления небольшой тяжести, а за преступления средней тяжести и тяжкие преступления лишение свободы, как более строгий вид наказания из числа предусмотренных Особенной частью данного Кодекса за совершение соответствующего преступления, назначается по приговору суда и, следовательно, влечет лишение избирательных прав только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей наказания.

Также было отмечено, что, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьей 32 (часть 3), и правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, федеральный законодатель правомочен, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

Достаточно обстоятельное изложение в форме порой буквального цитирования названного выше Постановления Конституционного Суда РФ обусловлено тем, что именно в нем, как мне представляется, нашли отражение острые дискуссии о соотношении Конституции РФ и решения Европейского Суда и о соотношении с последним решений Конституционного Суда РФ. В названном выше Постановлении Конституционного Суда РФ был признан приоритет Конституции РФ и тем самым обеспечен государственный суверенитет. Вместе с тем Конституционный Суд РФ применил принцип самоограничения государственного суверенитета, т. к. признал возможность корректировки конституционного понимания «мест лишения свободы». Тем самым Конституционный Суд РФ допустил возможность расширения круга лиц, обладающих избирательными правами.

Как было уже отмечено выше, признания приоритета Конституции РФ перед решением Европейского Суда не исключает того, что правовые позиции Европейского Суда можно рассматривать как один из факторов, способствующих уточнению содержания конституционных норм судами, так как Конституционный Суд РФ и суды общей юрисдикции часто ссылаются на позиции Европейского Суда. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-

процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина Маслова В.И. Конституционный Суд Российской Федерации, сославшись на ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, воспринял не только содержащиеся там конкретные правовые позиции, но и общий подход, заключающийся в том, что для определения прав обвиняемого и подозреваемого значимым является не формальное признание лица таковым на основании процессуальных актов органов дознания, следствия или прокуратуры, а фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, когда уполномоченными органами власти предприняты меры, реально ограничивающие его свободу и личную неприкосновенность, в том числе свободу передвижения. В противном случае, отметил Конституционный Суд Российской Федерации, реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов, что открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются.

Европейский Суд признал, что применение наручников во время судебного заседания нарушает право подсудимого на защиту. Исходя из этого, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации принес протест по одному из дел об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в президиум новосибирского областного суда. В постановлении президиума областного суда появилась ссылка на Конвенцию, предусматривающую право подсудимого защищать себя лично. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Президиум областного суда исходили, в частности, из очевидной предпосылки, что, находясь в наручниках, нельзя взять в руки и прочитать ни Конвенцию, ни Конституцию Российской Федерации, нельзя делать записи. Более того, находясь в наручниках, человек не может жестикулировать, произнося речь. Защита же осуществляется не только в вербальной форме, но и с помощью жестов. Таким образом, можно сделать второй промежуточный вывод, что решения, как Европейского Суда, так и Конституционного Суда РФ обязательны для РФ. Поэтому в случае возникновения коллизий между названными решениями следует признать закономерным, что в России были законодательно установлены процедуры выработки согласованного решения. Названные меры направлены и на защиту государственного суверенитета.

В то же время ряд конституционных положений через применение судами правовых позиций Европейского Суда могут наполняться новым смыслом, влияя, в частности, на российскую правовую систему. Нельзя исключить ситуацию, когда для исполнения решений Европейского Суда по правам человека Конституционный Суд РФ по-новому уяснит смысл конституционных норм.

Как уже было отмечено выше, проблема допустимости ограничения государственного суверенитета сложна. С одной стороны, в современных

условиях глобализации и нового мирового порядка сталкиваются суверенитеты разных государств и если настаивать на абсолютном суверенитете каждого государства, то это трудно реализовать на практике. Очевидно, что несколько абсолютных суверенитетов не могут эффективно взаимодействовать. С другой стороны, сомнительным представляется позиция о возможности ограниченного государственного суверенитета, так как это трудно сопоставимо с его признаками (независимость, верховенство, самостоятельность). Исходя из этого можно предложить закрепить в международных актах принцип самоограничения государственного суверенитета. Это позволит примирить противоположные точки зрения. При этом важно определить условия и пределы самоограничения. Предлагаемый принцип может означать, что государство, имея право на абсолютный суверенитет, добровольно идет на его ограничения для достижения общественно полезных задач: защиты национальных интересов, прав человека, для укрепления устойчивого развития государств, для мировой безопасности и стабильности мирового развития. Это не противоречит идее укрепления суверенитета, под которым следует понимать усиление экономической независимости. Суверенитет предполагает не только независимость, но и ответственность государства за последствия принимаемых им решений. Важно и то, что принцип самоограничения может реализовывать только сильное государство. Иначе речь должна идти о внешнем воздействии на принятия решения о самоограничении государственного суверенитета.

Государственный суверенитет – это не самоцель, а свойство государства, способного эффективно осуществлять свои функции, защищая при этом национальные интересы. Поэтому, для их обеспечения целесообразно в некоторых случаях использовать принцип самоограничения государственного суверенитета.

Таким образом, в международном праве можно предложить установить принцип самоограничения государственного суверенитета. Это позволит скорректировать теорию суверенитета в современных условиях глобализации и признать его реальной конституционной и демократической ценностью.